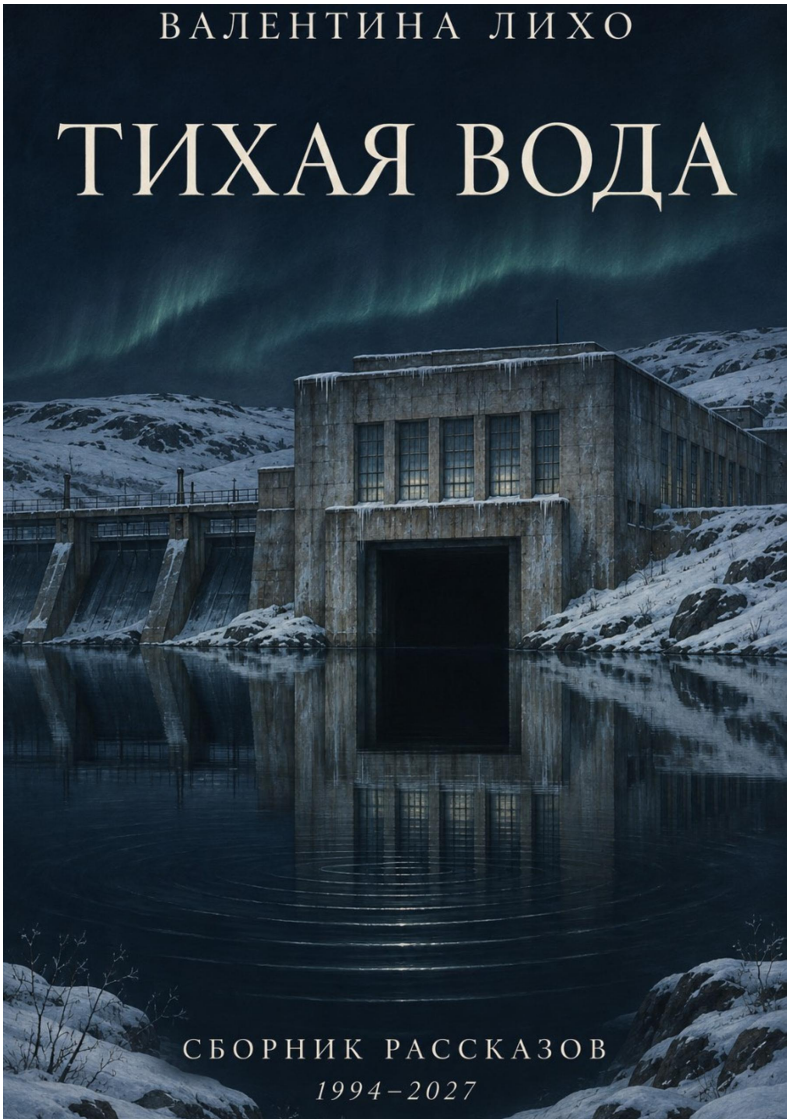
ВАЛЕНТИНА ЛИХО

ТИХАЯ ВОДА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

1994–2027

Валентина Лихо
Тихая вода.

https://litres.ru/74747678
SelfPub; 2026

Аннотация

Зимой 1994–1995 годов в северном посёлке исчезают родители Ники. Следы ведут к нижней галерее станции, где из темноты доносятся знакомые голоса.

Журналистка Татьяна ищет свидетелей. Врач Вера записывает наблюдения за спящими пациентами. Молодой Корнеев составляет заключение, в котором всему должно найтись объяснение. Исследования закрывают, пробы увозят в Иркутск, документы отправляют в архив. Но спустя тридцать лет голоса возвращаются.

Семь связанных рассказов — от полярной ночи до кружащегося оленьего стада под северным сиянием. История о памяти, ответственности и нарушенном равновесии между человеком и природой. О решениях, последствия которых переживают тех, кто их принял.

Содержание

Время цикла 4
Тихая вода. Полярная ночь 6
1. Голос 8
2. Мокрые следы 12
3. За отцом 16
4. Твоё 20
5. Признание 23
6. К лестнице 26
7. Наверх 28
8. Последняя кассета 32
Тихая вода. Полярный день 36
1. Свет за шторами 38
2. Без шапки 44
3. Нитка 48
4. Старые голоса 52
5. Что знает вода 57
6. Не говори ей 61
7. Рабочая смена 65
8. Кто остаётся 70
Дневники Веры 76
Тетрадь первая. Север 78
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Валентина Лихо
Тихая вода.

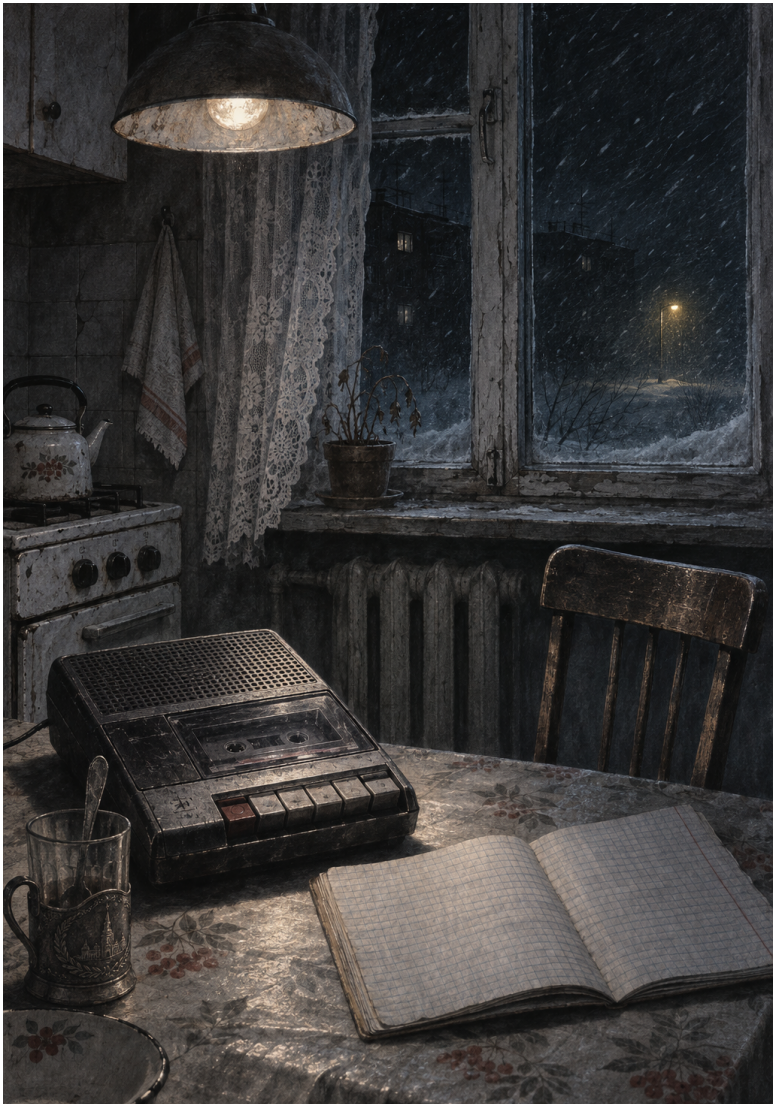
Время цикла

1994–1995, зима
«Полярная ночь». Туманный.
1995, лето
«Полярный день». Расследование Татьяны.
1995, 24 сентября
Приезд Веры и научной группы.
1995, 13–28 октября
Проверка Корнеева на станции.
1996, январь — весна
Перевозка проб в Иркутск, исследования и их закрытие.
1997, 7 июня
Вывоз последней спящей пациентки.
2010
Окончательное закрытие института.
2026, октябрь
«Чума». Иркутск.
2027, март — июль
«Медведь». Россия, Иркутская область.
2027, ноябрь

«Круг». Возвращение на Кольский полуостров.

Тихая вода. Полярная ночь

Зима 1994–1995 годов
Туманный, Кольский полуостров.

1. Голос

Зима 1994–1995 годов

В посёлке Туманный зимой темнело ещё до того, как Ника успевала вернуться из школы. Потом она перестала замечать и эти несколько бледных часов. Утром за окном горел фонарь. Вечером горел тот же фонарь, и снег летел мимо него почти горизонтально.

На кухне дребезжал холодильник. Если прижать ладонью его дверцу, дребезг исчезал, оставалось ровное гудение. Ника иногда стояла так, пока грелся чайник. После маминого отъезда она стала слышать в квартире много лишнего: трубы за стеной, соседский телевизор, отцовские шаги, которые теперь задерживались перед её комнатой.

В тот вечер на столе лежала раскрытая тетрадь по математике. Поверх неё — кассета. Ника вставила карандаш в белое зубчатое колёсико, подтянула провисшую ленту и вернула кассету в магнитофон.

Раньше мама мешала делать уроки: спрашивала, будет ли она чай, просила подать книгу, начинала рассказывать что-нибудь посреди задачи. Ника сердилась, зажимала уши. Теперь она оставляла дверь кухни открытой. Из коридора было видно вешалку, а если кто-нибудь поднимался по лестнице,

слышно становилось заранее.

В школе её спрашивали, когда вернётся мама. Первое время Ника отвечала: скоро. Потом научилась пожимать плечами и сразу говорить о другом. Она боялась, что однажды кто-нибудь переспросит при отце, а он назовёт срок, совсем не похожий на «скоро».

Щёлкнула кнопка. Зашуршало.

— Никуш, ну выключи. Я сейчас всё перепутаю.

Мамин голос звучал чуть глуше, чем Ника помнила. Зато ложка звякнула о чашку совсем отчётливо. На записи засмеялась маленькая девочка.

— Ещё раз!

— Ещё раз, — тихо повторила Ника.

Она знала, где мама вдохнёт, где засмеётся, где назовёт её воробушком. Эти несколько минут почти не менялись оттого, что прошло столько времени. Можно было отмотать и снова оказаться за столом, где стояла мамина чашка.

В замке повернулся ключ.

Ника нажала стоп, придвинула тетрадь. Отец вошёл, не снимая рабочей куртки. От неё пахло холодом и железом.

— Не спишь?

— Математика.

Он посмотрел на пустую страницу. Потрогал батарею под окном, подвинул к Нике тарелку с хлебом. У запястья, между рукавом и краем варежки, темнела мокрая полоска.

— Ты в воду лазил?

— Рукав намочил.

Он поправил манжету. Ника ждала, что спросит про магнитофон. Отец только провёл пальцем по клеёнке, собирая крошки.

В прихожей под вешалкой стояли мамины сапоги. Ника каждый день обходила их, когда обувалась, и каждый день думала: если мама уехала надолго, почему не взяла сапоги?

— Пап… А мама за вещами приедет?

Отец долго расстёгивал молнию.

— Ложись, Ника.

По дороге в комнату она выпрямила один сапог. Он завалился набок, будто кто-то второпях снимал его, придерживаясь за стену.

Ночью Ника проснулась от щелчка.

Холодильник молчал. Из кухни доносился знакомый смех. Она села, нащупала ногами холодный пол. Магнитофон остался на столе. Перед сном она точно выключила его.

Смех вытянулся, замедлился. Потом мама сказала:

— Никуш… Ты дверь не открывай. Даже если я попрошу.

Такого на кассете не было.

Ника остановилась посреди коридора. За входной дверью что-то прошуршало. Ручка медленно опустилась и вернулась на место.

— Ника. Это я.

Голос был мамин. Обычный, немного усталый, словно она вернулась с тяжёлой сумкой и никак не могла найти ключ.

Ника протянула руку к замку.

— Мам?

Чья-то ладонь накрыла её пальцы.

— Отойди, — сказал отец.

Он был босиком. Очень осторожно отвёл Нику за спину и приложил палец к губам. В глазок смотреть не стал.

За дверью послышался тяжёлый шорох. Так мокрую половую тряпку волокут по камню. Потом — шаг. Ещё один. Между шагами что-то цеплялось за пол.

Ника стиснула край свитера. Отец стоял неподвижно, заслоняя дверь. Под нижним краем показалась капля, повисела и упала. По полу потянулась тонкая мокрая дорожка.

— Ты тоже слышал? — прошептала Ника.

Отец не ответил.

2. Мокрые следы

Утром за окном всё ещё было темно. Отец сидел на корточках возле двери и выжимал тряпку в серое ведро.

— Кто приходил?

— Никто.

Он вытер порог. Ника смотрела на сухой пол между его ботинками и дверью.

— С ботинок натекло, — добавил он.

— А голос?

— Плёнка старая. Тянет.

Она хотела сказать, что голос был снаружи. Но отец уже поднял ведро. Вода качнулась почти до края, и он понёс её в ванную обеими руками.

На скамейке лежала его рабочая сумка. Из-под коричневого кожаного клапана торчала варежка. Ника узнала светлую заплату раньше, чем успела подумать.

Мама зашивала её прошлой зимой. Сидела у лампы, щурилась, вдевала нитку. Ника держала свободный конец, слишком сильно натягивала, и мама смеялась: «Тише, воробушек. Я же не рыбу ловлю».

Теперь заплата была мокрой.

Ника вытянула варежку из сумки. На большом пальце прилипли тёмные крупинки. От шерсти пахло сыростью, как из подвала после оттепели. В ванной перестала шуметь вода.

Ника спрятала находку под свитер.

Отец вышел уже в шапке.

— Из дома сегодня никуда.

Она кивнула.

Когда стихли шаги на лестнице, Ника принесла стул в комнату родителей. На верхней полке шкафа, за сложенными простынями, лежал мамин шарф. В него была завёрнута вторая варежка — сухая, мягкая, с таким же коричневым рубчиком на манжете.

Ника положила обе на кровать. От мокрой осталось тёмное пятно.

Рядом с шарфом нашлась коробка. На крышке маминым почерком было написано: «Записи. Строители».

Мама собирала рассказы людей, которые строили посёлок и станцию. Носила магнитофон по квартирам, спрашивала про первую зиму, про бараки, про дорогу. Дома перематывала плёнки, записывала фамилии. Иногда на одной кассете оказывались и чужие воспоминания, и Никино требовательное «Ещё раз».

В коробке лежали ровные ряды футляров. Под ними — кассета в тетрадном листе.

«ГЭС-2. Нижняя галерея».

Ниже: «Витя, послушай до конца».

Ника вернулась на кухню. Вставила кассету. Некоторое время ничего не было слышно, кроме шипения. Затем из маленького динамика пошёл гул воды — глубокий, с долгим

эхом.

— Витя, это под старым узлом связи. Нижняя галерея. Я записываю, чтобы ты сам услышал.

Шаги. Звякнула застёжка маминой сумки.

Два коротких металлических удара. Пауза. Третий.

Ника невольно повторила ритм карандашом. Два раза, подождала, ещё раз. На плёнке мама втянула воздух.

— Здесь кто-то есть?

Ответ пришёл издалека. Пожилая женщина сказала тихо, почти ласково:

— Леночка. Руки-то холодные.

Ника перестала вертеть карандаш. Леночкой звали маму. Бабушки, которая могла бы так её позвать, давно не было.

Зашуршела ткань.

— Мама?.. — спросила Елена.

Долго слышалось только её дыхание. Потом резко звякнули ключи. Эти ключи Ника узнала сразу: большой стальной всегда ударялся о маленькое кольцо.

— Лена. Отойди от воды.

— Ты тоже её слышишь?

Что-то задело микрофон. Отец оказался совсем рядом.

— Выключи.

Глухой удар оборвал воду и голоса. Осталось ровное шипение.

Ника нажала стоп. Посмотрела в дверной проём. Ей казалось, отец сейчас войдёт и объяснит всё — сердито, коротко,

но так, что снова можно будет заниматься математикой.

Она перемотала немного назад.

Ключи. «Лена. Отойди…»

Ника остановила запись.

На листке она написала два названия: старый узел связи, нижняя галерея. Сложила лист, убрала вместе с кассетой в рюкзак. Остальные записи вернула на полку.

3. За отцом

Вечером кухонные часы показывали без двадцати десять. Ника лежала с закрытыми глазами и слушала, как отец застёгивает сумку. Звякнули ключи.

Он заглянул в комнату, постоял у кровати. Подтянул одеяло ей на плечо. Ника дышала ровно, хотя сердце билось так сильно, что она боялась — услышит.

Дверь закрылась. Шаги ушли вниз.

Пальто и рюкзак ждали возле кровати. Ника оделась, положила магнитофон поверх тетрадей. На площадке было пусто. Закрывая квартиру, она задержала ладонь на ручке. Ночью её опускали с другой стороны.

Отец шёл через двор, прижимая сумку к боку. Ника держалась далеко позади. Ветер сдувал снег с крыш; приходилось щуриться и смотреть под ноги.

У остановки тарахтел служебный автобус. Отец поднялся в переднюю дверь. Водитель помогал рабочему с деревянным ящиком и не смотрел назад. Ника проскользнула через заднюю дверь, села на последнее сиденье и прижала рюкзак к животу.

Через проход дремал мужчина в меховой шапке. Впереди отец отвернулся к окну. Его затылок появлялся над спинкой, когда автобус подбрасывало на колее.

Ника старалась не шевелить ногами. Под сиденьем кто-

то оставил пустую бутылку, и на каждом повороте она перекатывалась от стенки к проходу. Казалось, этот звук обязательно заставит отца обернуться. Он не оборачивался. Ника обхватила рюкзак крепче и спрятала лицо в шарф.

Дома кончились. За запотевшим стеклом долго тянулась темнота. Ника протёрла маленький кружок рукавом. В нём возникали скалы, присыпанные снегом, и сразу уходили назад. Потом вдали зажглись окна станции.

Она дождалась, пока отец выйдет и отойдёт, только тогда спустилась на снег.

У старой пристройки он повозился с замком. Ника спряталась за углом. Дверь закрывалась медленно, со скрипом. Она успела подхватить её у самой рамы.

Внутри пахло пылью, нагретой проводкой и сырой штукатуркой. Вдоль стены стояли кабельные шкафы. Над ними белели потрескавшиеся изоляторы. Через стекло внутреннего окна был виден огромный зал: синие корпуса машин, высокие колонны, редкие жёлтые лампы. Откуда-то снизу шёл ровный тяжёлый гул.

Ника прежде представляла папину работу по пятнам на его куртке и тому, как он засыпал над тарелкой. Теперь она видела, сколько здесь пустого пространства, железа и тёмных проходов, в которых можно потеряться.

За шкафами начиналась лестница. Отец уже спускался. Внизу скользнул свет его фонаря.

Ника держалась за перила. Под подошвой прогнулся край

ступени и тихо звякнул.

Свет остановился.

Она шагнула за бетонный угол, прижалась спиной к стене. Холод пробрался через пальто. Снизу было слышно, как капает вода. Ника задержала дыхание.

Отец стоял на нижнем пролёте. Она видела только отблеск на стене и край его шапки. Он прислушивался так долго, что у неё заболело в груди.

Наконец шаги возобновились. Ника тихо выдохнула и пошла следом, выбирая места у креплений ступеней.

Лестница вывела под высокий бетонный свод. С потолка свисали ледяные потёки. Старые балки терялись во мраке. Под узким металлическим настилом лежала чёрная вода; редкие капли делали в ней маленькие светлые круги.

Отец был далеко впереди.

Два коротких удара. Пауза. Третий.

Ника узнала ритм с кассеты. На стене темнела старая скоба. За ней вода оставалась неподвижной.

Отец тоже остановился. Подождал, слегка кивнул и пошёл дальше.

Ника шла по слабому отражению его фонаря. С каждым шагом сильнее хотелось окликнуть его. Но тогда пришлось бы объяснять, что она слышала кассету и нашла варежку. А прежде этого он мог просто увести её домой.

В конце галереи стояла решётка.

Отец вышел с настила на сухой бетонный выступ. По-

ставил на отдельную полку сумку и фонарь, направил свет внутрь затопленного отсека. Ника укрылась за широкой опорой.

Из сумки появился тёмно-зелёный свёрток.

— Я принёс, — сказал отец. — Как ты просила.

За прутьями едва качнулась вода. Короткая цепочка натянулась и звякнула. Отец наклонился ближе. На его лице появилась улыбка — растерянная, осторожная. Ника давно не видела, чтобы он улыбался.

Мокрая полоска ткани скользнула по внутренней стороне решётки и ушла в темноту.

4. Твоё

Отец развернул свёрток. Вниз упали рукава маминого пальто. Он подхватил подол, чтобы не коснуться воды. В свете фонаря блеснула нижняя пуговица, пришитая светлой ниткой.

Ника помнила эту пуговицу. Мама потеряла её в снегу, когда они играли во дворе. Обе ползали вокруг сугроба и смеялись; потом мама нашла пуговицу у Ники в капюшоне. Дома тёмных ниток не оказалось. «До завтра сойдёт», — сказала она. Так и осталось.

Отец снял цепочку с крючка, приоткрыл маленькую створку. Присел и положил пальто на сухой бетонный порог, собрав рукава сверху. Разгладил воротник. Пальцы задержались на шерсти.

— Вот. Твоё.

Ника прижалась щекой к опоре. По ту сторону тяжело зашуршало. Упали несколько капель. Она не видела, как исчезло пальто: отец заслонил порог, а когда выпрямился, створка уже была закрыта. Его руки опустились пустыми.

За прутьями поднялась фигура.

Зелёное пальто лежало на её плечах. Длинные мокрые пряди закрывали лицо. Один рукав висел неподвижно, потом под шерстью прошёл неровный изгиб.

— Витя…

Отец закрыл глаза.

Ника вышла из-за опоры прежде, чем решила это сделать.

— Мам?

Он резко обернулся.

— Ника? Ты как здесь…

Фигура за его спиной повернулась к ней.

— Никуш. Иди сюда.

Мама говорила так, когда звала примерить недовязанную варежку. Ника сделала ещё шаг. Отец встал между ней и решёткой, но назад не отвёл.

— Почему она здесь?

Он сглотнул.

— Она пока не может уйти.

С подола стекала вода.

— Ну иди. Руки-то холодные.

Ника остановилась. Эти слова уже звучали на плёнке. Только тогда ими позвали маму.

Фигура чуть подалась вперёд, в свет настенной лампы. Мокрые пряди разошлись. Ника увидела над воротником неглубокую впадину из спутанных волокон. Там, где должна была быть скула, тускло блестел край ржавой детали.

Из рукава выступала коричневая варежка со светлой заплатой. Под вязкой что-то медленно перекладывалось. Тонкий провод на мгновение вышел из разошедшегося шва и втянулся обратно.

Ника отступила. Настил звякнул под ботинком. Отец взял

её за плечо.

— Папа… это не мама.

Он присел перед ней. Теперь можно было разглядеть красные глаза и щетину, которую он несколько дней не брил.

— Голос её. Ты же слышишь.

Ника смотрела мимо него на мокрый след под пальто.

— Раньше она даже говорить не могла.

Он поправил сползшую лямку её рюкзака. Этот привычный жест вдруг оказался таким домашним, что Нике захотелось заплакать.

— Поговори с ней. Пожалуйста.

За решёткой зашуршало. Фигура приблизилась к прутьям. Между ними теперь были отчётливо видны зелёная шерсть и тёмная впадина над воротником.

— Я здесь, Никуш.

Ника вытерла нос варежкой. Медленно вдохнула.

— Если ты мама… ты должна помнить.

Отец поднялся рядом. Его ладонь оставалась на её плече.

5. Признание

Ника посмотрела на заплату.

— Когда ты зашивала варежку… что я держала?

Вода капала с шерсти. Фигура наклонила голову.

— Руки-то холодные. Иди сюда.

— Я про варежку.

Ника помнила нитку между пальцами. Как та становилась влажной и врезалась в кожу, когда она натягивала слишком сильно. Помнила мамин ноготь, которым та подцепляла петлю. Это было маленькое воспоминание, никому больше не нужное. Она ждала именно его.

— Нитку, — торопливо сказал отец. — Ты ей нитку держала.

Несколько мгновений было тихо.

— Нитку… Никуш.

Ника убрала плечо из-под отцовской ладони.

— Она за тобой повторила.

Он открыл рот и ничего не сказал.

— Где мама?

Отец опустился перед ней на корточки. Рука, которой он только что поправлял рюкзак, легла на колено.

— Она погибла. Здесь.

Ника смотрела на него. Казалось, он ещё должен что-то добавить, иначе эти слова не могли остаться в воздухе.

— А мне сказал — уехала.

Он кивнул.

Вода под настилом глухо стукнула о бетон.

— Она пришла с магнитофоном, — сказал отец. — Хотела, чтобы все услышали. Чтобы пришли сюда. Мы поссорились.

Ника услышала в памяти его голос на записи: «Выключи».

— Я запер её. Думал, успокоится.

— А сам?

— Ушёл.

Он говорил медленно, с усилием, будто каждое следующее слово нужно было вытаскивать отдельно. За служебной дверью Елена ударила ладонью по металлу. Попросила открыть. Он слышал её и всё равно повернул ключ. Сказал себе, что ненадолго. Что потом они поговорят спокойно.

Когда вернулся, за дверью стояла вода.

— Я достал её, — сказал он. — Поздно.

Ника смотрела на его руки. Эти руки завязывали ей шарф, придерживали велосипед, проверяли, не горячая ли чашка. И этими же руками он повернул ключ, когда мама осталась внутри.

Она не знала, куда деть это знание. Хотелось, чтобы отец перестал говорить, и одновременно — чтобы больше ничего не скрывал.

— Потом из воды… её голос. Попросила шарф. Я принёс. Потом варежки. Всё больше на неё похожа.

Он посмотрел за решётку. В его взгляде было такое ожидание, будто сейчас там могли поправить рассказ, отменить самое страшное.

— Но это не она, — сказала Ника.

Фигура шевельнулась.

— Витя. Открой.

Отец вздрогнул всем телом. Ника поняла: так мама просила его тогда, за дверью.

Она отступила ещё на шаг.

— Я хочу домой.

Он поднялся. Подошва скользнула по мокрому металлу. Из-за решётки донёсся длинный скребущий звук.

Створка оставалась закрытой. Цепочка висела на месте. Но рукав зелёного пальто уже протискивался между прутьями. Ткань сплющилась, вытянулась. За ней поползли тонкие провода и тёмные мокрые волокна. Плечо осело, и человеческий силуэт распался.

На наружный настил легла варежка.

— Никуш.

6. К лестнице

Отец схватил фонарь с полки и заслонил Нику.

— К лестнице. Иди.

Она пошла спиной вперёд, держась за поручень. Между прутьями вытекала тёмная масса. Пальто цеплялось пуговицами, дёргалось и снова ползло. Сумка отца осталась на бетонной полке.

— Никуш. Иди сюда.

Ника повернулась и пошла быстрее. За спиной звенел настил. Луч фонаря метнулся по стене: отец споткнулся. Чёрный кабель обвился вокруг края решётчатого пола. Фонарь выскользнул из руки, покатился к воде.

Ника поймала его у самого бортика.

Свет дрожал, выхватывал ступени впереди, потом мокрую стену. Она обернулась. Отец уже поднялся. За ним снова стояла почти человеческая фигура. Пальто расправилось на плечах. Из рукава вышла коричневая варежка.

— Иди сюда, воробушек.

Никина свободная рука поднялась сама собой.

Когда-то мама так звала её с горки. Ника боялась съезжать, сидела на санках, упиралась пятками. Внизу раскрывались две руки в коричневых варежках. Можно было зажмуриться и отпустить себя — мама поймает.

Заплата вздрогнула. Под ней медленно переложились

провода.

Ника опустила руку.

— Не называй меня так.

Голос сорвался. По щеке потекло горячее, а вытереть было некогда.

— Руки-то холодные.

— Лена, — позвал отец.

Фигура повернулась к нему. Он шагнул в сторону, освобождая Нике проход.

— Я здесь.

Ника добралась до двери и толкнула её плечом.

— Папа!

Он успел внутрь. Навалился на створку, но та не закрылась: в щель пролезли волокна. Они тянулись по стене, цепляясь за трещины. Из-под двери пахнуло холодной стоячей водой.

— Наверх. Держись за перила.

Ника поднялась на две ступени.

— А ты?

За дверью маминым голосом произнесли:

— Я хочу домой.

Слова прозвучали с той же паузой и тем же дрожанием, с какими Ника сказала их несколько минут назад.

Отец посмотрел на мокрую нить. Она уже тянулась к лестнице.

7. Наверх

— Папа, идём.

Он сильнее упёрся плечом. Дверь чуть подалась, но снизу сразу заскрежетало. Нить распласталась по стене, разделилась на несколько тонких концов.

— Лена.

Она замерла.

Отец заметил это. Ника увидела, как он перестал давить на дверь, как переставил ногу и посмотрел на лестницу за её спиной.

— Наверх. Потом к проходной. Там люди.

— А ты со мной.

Он молчал.

— Папа.

— Я виноват, Ника.

Она шагнула вниз. Он поднял ладонь.

— Не спускайся.

Отец отступил в галерею. Дверь раскрылась шире, свет упал на мокрый настил и спутанную ткань. Ника держала фонарь обеими руками, чтобы луч не дрожал.

— Я здесь, — сказал он. — Смотри на меня.

Волокна потянулись за ним. Мокрая нить медленно сползла со стены. Кончик зацепился за выбоину, натянулся, сорвался. Порог освободился.

Ника хотела сбежать вниз и ухватить отца за рукав. Она уже наклонилась, но он взялся за дверь с другой стороны. В сужающейся щели мелькнула коричневая варежка у него на груди. Светлая заплата легла на рабочую куртку.

Дверь закрылась.

— Иди, Ника.

Она стояла, прижав фонарь к животу. Оттуда больше не было видно ни отца, ни решётки, ни пальто. Только дверь — обыкновенная железная дверь с потёками ржавчины возле петель.

Ника поднялась на ступень.

Потом на следующую.

Внизу глухо ударило. Она схватилась за перила. Фонарь осветил её ботинок, кусочек льда и пальцы варежки, сжатые вокруг холодной трубы.

— Иди сюда, воробушек.

Ника закрыла глаза. Голос был близко. Можно было спуститься, потянуть дверь, увидеть маму такой, какой она должна быть. Хотя бы на секунду представить, что отец ошибся и никто не погиб.

Она прижалась лбом к перилам. Металл обжёг холодом. Под шапкой взмокли волосы. Ника постояла так, пока смогла вдохнуть, потом вытерла лицо рукавом и подняла ногу на следующую ступень.

Снизу плеснуло.

— Ника…

Теперь это был отец.

Она остановилась. Фонарь освещал только поворот лестницы, дальше не доставал. Если он ещё там, если ему нужна помощь, как можно уйти?

— Держись за перила.

Ника больше не знала, кто говорит. От этого стало страшнее, чем от тёмной впадины над воротником. Там хотя бы можно было увидеть, что перед ней.

Она продолжила подниматься. Считала ступени до площадки, потом начинала заново. На верхнем пролёте появился сквозняк. За дверью шумел ветер.

Ника нажала ручку. Почти повернула голову на последний звук снизу. Вместо этого потянула дверь на себя и вышла.

Снег ударил в лицо. Несколько мгновений она ничего не слышала, будто в ушах ещё стояла тяжёлая вода. Затем вернулся ветер, хлопанье незакреплённого листа железа, собственное дыхание.

Вдалеке светилось окно проходной.

Ника пошла к нему вдоль ограждения. Снег набивался в ботинки, ноги подгибались. У двери она постучала фонарём, потому что ладонь была слишком слабой.

Человек внутри поднял голову. Отодвинул стул, быстро подошёл. За его плечом стоял чайник, на столе лежала раскрытая газета. Из радиоприёмника кто-то буднично говорил о погоде.

— Ты откуда здесь?

Ника попыталась ответить. Получилось только:

— Папа там.

Мужчина впустил её, усадил, взял телефон. Ника положила фонарь на подоконник. Он продолжал светить в запотевшее стекло.

Она смотрела на этот неподвижный кружок и держала руки на коленях. Здесь было тепло. За стеной шумел ветер. Кто-то задавал вопросы, кто-то входил, стряхивая снег. Она называла старый узел связи, лестницу, решётку. Повторяла, чтобы не перепутали дорогу.

Когда её спросили о матери, Ника заплакала.

8. Последняя кассета

Через неделю за ней приехала тётя Марина, мамина сестра.

Квартира казалась меньше, чем раньше. На кухне всё так же дребезжал холодильник. У соседей работал телевизор. На отцовском стуле висел свитер, и Ника несколько раз поворачивалась к нему, собираясь спросить, куда положить ту или другую вещь.

Марина собирала сумку молча. Складывала одежду, оставляла рядом то, что Ника хотела взять сама. Когда находила что-нибудь мамино, не убирала без спроса.

— Его ещё ищут?

— Да.

Тётя села рядом. Ника ждала продолжения, но Марина не стала обещать, что отец обязательно вернётся. Просто посидела с ней, пока за стеной не закончились новости.

За эту неделю Ника много раз просыпалась от чужих шагов. Ей наливали чай, приносили чистую одежду, тихо разговаривали за дверью. Иногда она сердито просила оставить её одну, а потом сама выходила и садилась поближе к людям. Марина не спрашивала, почему она передумала. Перед сном оставляла свет в коридоре и говорила, в какой комнате будет.

Ника достала кассету с надписью про нижнюю галерею.

— Это тоже им отдай.

Марина прочитала этикетку и положила кассету в отдельный карман своей сумки. Ника уже рассказала взрослым всё, что могла. Теперь пусть услышат сами.

Домашнюю запись она оставила себе. Ту, где мама смеялась, а маленькая Ника просила повторить. Рядом в рюкзак легла сухая варежка. Шерсть ещё помнила округлость ладони. Ника провела пальцем по манжете и застегнула отделение.

Последний раз она прошла по коридору. На вешалке освободилось место. Сапоги больше не стояли под пустым крючком. Марина упаковала их вместе с другими вещами, и Ника знала, где они, — впервые за долгое время в этом не было загадки.

Квартиру она закрыла сама.

В автобусе досталось место у окна. Марина села рядом, поправила Никин шарф, чтобы конец не застрял между сиденьями. За стеклом проплывали дома, остановка, занесённая площадка с качелями. Дальше началась дорога.

Ника достала магнитофон.

Пальцы узнавали каждую царапину на корпусе. Она поставила его на колени, нажала кнопку. Звякнула ложка. Где-то на записи открылся кухонный ящик.

— Никуш, ты опять всё записываешь?

— Скажи что-нибудь.

— Что-нибудь.

Обе засмеялись. Ника чуть улыбнулась. Марина узнала

сестру и посмотрела в окно, хотя снаружи были только заснеженные обочины.

Ника знала, где заканчивается запись. Сейчас мама поставит чашку. Маленькая Ника потянется к магнитофону. Щёлкнет кнопка, потом некоторое время будет шипеть пустая лента.

Она уже подняла руку, чтобы остановить.

— Никуш. А мы далеко уедем?

Автобус качнулся на повороте. Магнитофон сдвинулся, и Ника поймала его за край.

Марина повернулась к ней.

— Это когда вы записывали?

Значит, она тоже услышала.

За окном уходили назад тёмные ели. Голос ждал ответа. Ника смотрела на красную кнопку, на потёртый ремешок, на тётины руки.

Она нажала стоп.

Открыла крышку, вынула кассету. Убрала её в футляр, положила вместе с магнитофоном в рюкзак и застегнула молнию до конца.

Затем взяла Марину за руку.

— Посиди так.

— Я здесь.

Тётина ладонь была тёплой. Ника придвинулась и положила голову ей на плечо.

Под полом ровно работал двигатель. Шуршали шины.

Впереди, насколько хватало взгляда, лежала белая дорога.

Тихая вода. Полярный день

Лето 1995 года
Туманный, Кольский полуостров.

1. Свет за шторами

Лето 1995 года

В гостиничном номере не было темноты.

Татьяна сдвинула шторы, прижала их друг к другу и закрепила заколкой. Снизу осталась светлая полоса. Она положила на подоконник запасную подушку, но свет нашёл щель сбоку.

На часах было без двадцати два.

Во дворе мужчина чинил мотоцикл. Рядом стояла девочка в резиновых сапогах и держала банку с болтами. Иногда мужчина протягивал руку, не оборачиваясь. Девочка выбирала что-нибудь из банки и вкладывала ему в ладонь.

Татьяна отвернулась от окна.

Из Мурманска она приехала утренним автобусом. Дорога заняла больше времени, чем обещали: у посёлка меняли колесо, потом ждали встречную машину, чтобы одолжить ключ. Водитель не сердился. Пассажиры тоже. Женщина на переднем сиденье достала яйца и предложила соседке соль.

Татьяне было девятнадцать. В областной редакции она работала первый год и писала главным образом о том, чего людям не выдавали: зарплаты, квартиры, лекарства. В редакции такие материалы называли социальными.

— Только без очередного плача, — сказал редактор перед отъездом. — Покажи, как живут. Что едят. Как детей собирают. Станция работает, область электричество получает. Почему у работников денег нет?

— Это у них спросить или в управлении?

— У всех спроси.

Он выдал ей деньги на три дня и две чистые кассеты.

Одна уже была наполовину записана.

Днём Татьяна разговаривала с женщиной из бухгалтерии. Та сначала перечисляла месяцы задолженности, потом попросила выключить диктофон.

— А что изменится, если я вам всё расскажу?

— Не знаю.

Женщина посмотрела на неё внимательнее.

— Обычно говорят: разберутся.

— Я не могу этого обещать.

Тогда женщина достала из ящика тетрадь с домашними расходами. На полях были записаны фамилии тех, у кого она занимала.

Татьяна раскрыла блокнот. Под словами «четыре месяца без выплат» стояла другая запись: «На проходной спросить Павла Андреевича. Ночная смена».

Про охранника ей сказала буфетчица.

— Он давно здесь. Только вы к нему без начальства подойдите.

— Почему?

— При начальстве он всё забывает.

Татьяна выключила настольную лампу. Номер почти не изменился.

За стеной кто-то кашлял. На улице упала банка с болтами. Мужчина сказал девочке, чтобы не собирала голыми руками: в траве могло быть стекло.

Татьяна легла поверх покрывала.

Утром ей предстояло писать о станции, которая не могла остановиться.

Павел Андреевич сидел у открытого окна проходной и чистил маленьким ножом яблоко. Кожура свисала одной полоской.

— Из газеты? — спросил он.

— Из областной.

— Областные уже приезжали.

— Давно?

— Весной.

— Что написали?

Он задумался.

— Что у нас непростое время.

Татьяна улыбнулась. Охранник не улыбнулся в ответ, но подвинул ей стул.

В проходной пахло чаем, нагретым линолеумом и рекой. На стене висел график дежурств. Несколько фамилий были зачёркнуты, над ними вписаны другие.

— Людей не хватает?

— Людей хватает. Тех, кто ещё согласен выходить, меньше.

Он рассказал про сменщика, который устроился в кооператив ремонтировать машины. Про электрика, ездившего после работы разгружать вагоны. Про женщину, которая приносила мужу обед к ограде, потому что в столовой снова перестали давать в долг.

Татьяна записывала.

Потом спросила:

— А несчастные случаи были?

Нож остановился.

— На производстве?

— И не на производстве тоже.

Павел Андреевич положил яблоко на блюдце.

— Вам про девочку уже сказали?

— Про какую?

Он посмотрел на включённый диктофон.

— Это пока уберите.

Татьяна нажала стоп.

— Зимой пришла. Ночью. С той стороны.

Он показал за окно, на низкую пристройку возле основного корпуса.

— Одна?

— Одна. Фонарь в руках. Стучала им в дверь, хотя я уже шёл открывать.

— Потерялась?

— Отец внизу остался.

— Работник станции?

— Виктор Серов. Электромеханик.

Татьяна написала фамилию.

— Нашли его?

Павел Андреевич покачал головой.

— А мать?

Он посмотрел на неё.

— Почему вы про мать спросили?

— Вы сказали так, будто история не только про отца.

Охранник помолчал.

— Девочка сказала: мама тоже там. Мы сначала решили — от страха путает. Потом начали поднимать бумаги.

— И?

— Ни его, ни её.

За окном проехал грузовик. Охранник дождался, пока стихнет двигатель.

— Что девочка рассказывала?

— Дорогу объясняла. Лестница, шкафы, решётка. Всё правильно. А потом попросила одну вещь.

— Какую?

Павел Андреевич взял яблоко, но есть не стал.

— Если снизу знакомым голосом позовут, не отвечать.

Татьяна перестала писать.

— А вы сами там были?

— После — был.

— Покажете?

Он посмотрел в окно. На белом небе едва различалась луна.

— Вам для статьи?

— Мне нужно понять, что произошло.

Павел Андреевич сложил нож.

— Там это трудно понять.

2. Без шапки

Пропуск в старую часть станции начальник подписал не сразу.

— Там ничего интересного, — сказал он. — Недействующие помещения. Вода, грязь.

— Два человека пропали в недействующих помещениях?

— По этому вопросу ведётся работа.

— Кем?

— Соответствующими службами.

Татьяна подождала. Начальник перевернул пропуск лицевой стороной вниз.

— Вы приехали писать о трудовом коллективе.

— Серов был частью коллектива.

Подпись появилась после долгого телефонного разговора, половину которого Татьяна не слышала. Ей разрешили пройти с сопровождающим до верхней площадки спуска.

Павел Андреевич прочитал пропуск.

— До площадки и пойдём.

За кабельными шкафами воздух стал холоднее. На улице было лето, у гостиницы цвели одуванчики, а здесь Татьяна застегнула куртку.

Лестница уходила вниз за бетонный поворот. На перилах лежала тёмная влажная пыль. У первой ступени стояла переносная ограда с выцветшей надписью.

— Дальше нельзя, — сказал охранник.

Она направила фотоаппарат на спуск.

Вспышка показала облупившуюся стену и несколько ступеней. Всё остальное осталось чёрным.

— Воды много?

— По-разному.

— От чего зависит?

— От того, куда она себе дорогу найдёт.

Татьяна включила диктофон.

Снизу доносился гул. Неровный, тяжёлый: то приближался, то становился почти неслышным. Где-то капало.

— Здесь Серов работал?

— Он везде работал. Что сломается, туда и шёл.

Она наклонилась над оградой.

Из-за поворота тихо сказали:

— Танюш, ты опять без шапки?

Татьяна не сразу поняла, что уже держится за перила.

Голос был чуть недовольный. В конце — усталый выдох, который мать делала, когда знала, что спорить бесполезно.

— Мама?

Павел Андреевич взял её за локоть.

— Пойдёмте.

Она попыталась заглянуть за бетон.

— Подождите.

— Наверх.

— Вы слышали?

Он не ответил. Его рука сжала локоть сильнее.

Татьяна позволила увести себя только потому, что ноги вдруг стали чужими. На последней ступени она споткнулась.

В коридоре было теплее. За матовым окном двигалась тень рабочего.

— Там кто-то есть, — сказала она.

— Там вода.

— Вы не понимаете.

— Понимаю.

Павел Андреевич отпустил её руку.

Она выключила диктофон. Красный огонёк погас не сразу.

— Моя мать умерла четыре года назад.

Охранник кивнул, словно она сообщила ему время прибытия автобуса.

Это спокойствие рассердило Татьяну сильнее, чем могло бы рассердить неверие.

— Почему вы ничего не сказали?

— Сказал. Девочка просила не отвечать.

В гостинице Татьяна прослушала кассету семь раз.

Её вопрос о Серове. Ответ охранника. Гул. Шорох куртки возле микрофона.

Потом её собственный голос:

«Мама?»

Перед этим было что-то ещё. Короткий звук, похожий на «та». Или вода ударила по трубе.

На восьмой раз она сняла наушники.

Мать действительно говорила про шапку. Даже когда Татьяна уже считала себя взрослой. Однажды вышла за ней на лестницу в домашних тапочках и сунула в карман пальто тонкую вязаную шапочку, которую та потом месяц возила в сумке.

Но это не было тайной. Так говорили тысячи матерей.

Татьяна записала в блокноте: «Ожидаемый голос. Усталость. Акустика».

Потом зачеркнула последнее слово.

Она ещё не знала, почему именно.

Из редакции позвонили вечером.

— Ну как там?

— Есть другая история.

— Лучше задолженности?

— Хуже.

— Тань, мне в номер нужен текст.

Она посмотрела на диктофон.

— Дай ещё три дня.

3. Нитка

Ника жила у тёти в доме, из окон которого было видно автобусную остановку.

Татьяна приехала без диктофона в руках. Оставила его в сумке и сразу сказала Марине, что не будет записывать без разрешения.

— Она уже всё рассказывала, — ответила Марина.

— Я знаю.

— Нет, не знаете. Она рассказывала, потом её просили ещё раз. Потом говорили: подумай, может, ты перепутала.

Из комнаты донёсся голос:

— Пусть зайдёт.

Ника сидела за столом. Перед ней лежал учебник, раскрытый на странице с задачами, и лист, на котором были нарисованы квадраты. Она заштриховала почти весь нижний угол.

За полгода девочка подросла. На рукавах домашнего свитера появились короткие светлые участки, довязанные другой шерстью.

Татьяна села на край стула.

— Меня зовут Татьяна.

— Тётя сказала.

— Я пишу о станции.

Ника посмотрела на сумку.

— Магнитофон там?

— Диктофон. Могу вынуть батарейки.

— Не надо.

Марина осталась в дверях.

Сначала Ника отвечала легко. Где начиналась лестница. В какую сторону отец повернул за шкафами. На каком выступе оставил сумку.

Когда Татьяна спросила, с кем он разговаривал, девочка положила карандаш.

— Я не знаю.

— Ты видела кого-нибудь?

— Там было темно.

Татьяна вспомнила слова охранника: девочка подробно описала пальто.

— Ника, я не собираюсь спорить с тем, что ты видела.

— Все сначала так говорят.

Марина подошла к столу.

— Может, хватит?

Татьяна закрыла блокнот.

— Я была у лестницы. Со мной был Павел Андреевич.

Ника не шевельнулась.

— Я услышала свою маму.

Карандаш скатился к краю стола. Девочка поймала его.

— А вы ей ответили?

— Да.

Ника посмотрела на Марину.

Татьяна заметила этот взгляд.

— Что я сделала?

— Не ходите туда одна.

— Почему?

— Пожалуйста.

Марина проводила её до остановки.

— После зимы она первое время не оставалась в комнате, если я уходила на кухню, — сказала она. — Потом стала. Я уж подумала, понемногу проходит.

— Простите.

— Вам обязательно об этом писать?

— О пропавших людях — да.

Марина остановилась.

— Тогда пишите о них. Не делайте из неё девочку, которая видит призраков.

— Я не сделаю.

Автобус ещё не пришёл.

Татьяна спросила:

— Она что-то не договорила?

Марина долго смотрела на дорогу.

— Она вам сказала достаточно, чтобы вы были осторожны.

Вечером Татьяна нашла в кармане сумки сложенный листок.

Ника сунула его туда, когда прощались.

На листке было написано:

«Спросите то, чего никто рядом не знает. И не говорите

правильный ответ».

Ниже, другим нажимом:

«Оно слушает».

4. Старые голоса

Архив станции помещался в комнате над складом.

Женщина с ключами сначала сказала, что старые журналы списаны. Потом — что не знает, где они. Затем попросила Татьяну придержать лестницу и сняла с верхней полки три коробки.

— Только обратно по годам.

В коробках были рапорты, графики, акты осмотра. На некоторых листах отпечатались ржавые следы скрепок.

Татьяна начала с Серова. Через час ушла на десять лет назад. К вечеру — ещё дальше.

Истории находились на полях.

«Просит перевода после ночного дежурства».

«Жалобы на посторонние звуки не подтвердились».

«Повторный отказ от обхода нижней галереи».

В одном журнале другим почерком было дописано: «Одного не оставлять, если начал отвечать».

Татьяна сфотографировала страницу.

На следующий день коробки исчезли.

— Забрали на проверку, — сказала архивистка.

— Кто?

Женщина закрыла шкаф.

— Я вас не видела.

В посёлке Татьяна сняла комнату у пенсионерки: гости-

ничные деньги закончились.

Хозяйка, Антонина Павловна, работала на станции телефонисткой.

Узнав, о чём спрашивает квартирантка, она вынула из холодильника кастрюлю и поставила на плиту.

— Поешьте сначала.

За супом выяснилось, что однажды ночью ей звонил муж.

— Он на смене был?

— В больнице. После операции. Телефона в палате не было.

— Что сказал?

— Спросил, почему я не иду.

— Вы узнали голос?

Антонина Павловна помешала суп у Татьяны в тарелке, хотя та об этом не просила.

— Мы двадцать семь лет прожили.

— И что вы сделали?

— Позвонила в больницу. Сестра ругалась, но сходила. Он спал.

— А номер?

— Внутренний. Со старого узла.

— Там кто-нибудь мог пошутить?

— Мог. Только линию за неделю до этого сняли.

После того звонка она перешла в дневную смену.

Другой человек, бывший слесарь, вспомнил мальчика возле водосброса.

— Мне показалось, мой Серёжка стоит. Я даже разозлился. Думаю: кто пустил?

Серёжке в тот год было семь. Он находился у бабушки в Апатитах.

— Мальчик повернулся?

— Нет.

— А вы подошли?

Слесарь потёр ладонь большим пальцем.

— Напарник окликнул.

Больше он рассказывать не захотел.

Под стеклом краеведческого стенда в библиотеке лежала карта долины до водохранилища.

Татьяна долго искала на ней знакомый изгиб берега. Там, где теперь была вода, проходила тропа. Рядом карандашом был обведён небольшой выступ.

Библиотекарь принесла другую папку.

— Это Елена собирала. Не всё успела забрать.

В папке были расшифровки бесед со строителями и местными жителями. Между страницами — записка Елены: «Сверить названия. На карте нет».

Одна собеседница рассказывала о месте, куда приходила с бабушкой. Для их саамской семьи камень у воды имел значение, которое составитель описи обозначил двумя словами: «скальный выход».

«Они записали: камень. А у него имя было».

Ниже Елена спросила, нужно ли напечатать это имя.

Ответ был коротким:

«Не всё надо печатать».

Татьяна закрыла папку.

— Она искала что-то про станцию?

— Сначала про людей, — сказала библиотекарь. — Потом всё спрашивала, что было до воды.

— И что ей отвечали?

— Разное. Одни помнили стройку. Другие — что стройка у них забрала.

Татьяна не стала переписывать имя камня из следующего листа.

Она записала только: «До станции это место уже имело историю».

У магазина её остановили двое мужчин.

Один держал пакет с хлебом. Второй курил.

— Вы про склад спрашивали? — сказал тот, что с хлебом.

Татьяна вспомнила бухгалтера, недостачу кабеля, накладные на несуществующую фирму.

— Спрашивала.

— Не надо путать людей.

— Чем?

— Вопросами.

Он говорил без злости. От этого разговор казался неприятнее.

— Если у вас есть что сказать, я запишу.

Мужчина посмотрел на её блокнот.

— Вы уезжайте. Тут и без вас трудно.

Вечером дверь её комнаты оказалась приоткрыта.

Ничего не пропало. Только кассеты лежали другой стороной вверх.

Татьяна позвонила в редакцию и продиктовала фамилии из накладных.

Потом сделала копии записей.

Одна опасность не отменяла другую.

5. Что знает вода

Татьяна не пошла к лестнице одна.

Она попросила Павла Андреевича стоять рядом и заранее объяснила, что собирается спросить.

— Правильный ответ мне не говорите, — сказал он.

— Не скажу.

На верхней площадке было так же холодно. Ограду кто-то передвинул ближе к стене. На бетонном полу тянулся свежий след от тяжёлого предмета.

Татьяна включила диктофон.

Некоторое время ничего не происходило.

Потом снизу сказали:

— Танюш.

Она почувствовала, как напряглась шея.

— Что лежало у нас на кухонном шкафу?

Павел Андреевич смотрел на её руки.

За поворотом капало.

Татьяна помнила синюю жестяную коробку. В ней мать хранила квитанции и два старых ёлочных украшения, которые жалко было выбросить.

— Ты всё работаешь, — сказал голос.

— Что лежало на шкафу?

— Подойди. Я плохо слышу.

Охранник покачал головой.

Татьяна осталась на месте.

— Скажи, и я пойму.

Гул усилился. Где-то в глубине щёлкнуло, как в остывающей батарее.

— Ты не приехала.

Она отступила от ограды.

— Пойдёмте, — сказал Павел Андреевич.

— Подождите.

— Вы уже спросили.

Голос повторил:

— Я тебя ждала.

Татьяна выключила диктофон так сильно, что заболел большой палец.

Мать умерла в четверг.

Во вторник она звонила и сказала, что чувствует себя лучше. В среду Татьяна ездила на заседание, где обещали назвать виновных в задержке выплат. В четверг утром собиралась купить билет.

Она рассказывала это Антонине Павловне за ужином. Дверь кухни была открыта. На стене возле неё висел старый радиодинамик.

Татьяна вспомнила его только теперь.

— Он работает? — спросила она хозяйку.

— Иногда. Всё забываю снять.

— Сегодня включался?

— А что?

Татьяна подняла взгляд на пластмассовую решётку.

Динамик молчал.

Она не знала, что хуже: предположить, что её услышали через него, или поверить, что голос знал всё и без чужих разговоров.

За станционным электриком Борисом тянулся запах табака и машинного масла.

Он согласился поговорить, когда Татьяна показала фотографию приписки в журнале.

— Кто это написал? — спросила она.

— Не знаю. Но правильно написал.

— Вы тоже слышали?

— Я стараюсь ничего не слышать, кроме оборудования.

Он разложил перед ней старый план.

На нём проходили линии кабелей, дренажные каналы, вентиляционные шахты. Старый узел связи был связан с помещениями, о существовании которых начальник не упомянул.

— Это всё действует?

— Частями. Что отключили, что забыли. Чертежи у нас иногда моложе проводки.

— Если звук идёт снизу, его может быть слышно наверху?

— Конечно.

— А в другом здании?

— Смотря какой звук. Смотря по чему идёт.

Татьяна провела пальцем от галереи к проходной.

— А голос?

Борис убрал план.

— Вы хотите, чтобы я вам объяснил, почему мёртвые звонят по телефону?

Она не ответила.

Он посмотрел на неё и вздохнул.

— У меня брат говорил из вентиляции. Один раз. Я больше в ту комнату не ходил.

За окном ровно работала станция.

Татьяна вдруг подумала, что все эти годы люди обходили её как дом, в одной из комнат которого кто-то тяжело болен. Старались не шуметь. Не открывали лишнюю дверь. Привыкали.

— Может быть, оно не в галерее, — сказала она.

— А где?

Она посмотрела на стены, на телефон, на уходивший под потолок кабель.

Борис понял.

— Тогда нам вообще некуда ходить.

6. Не говори ей

Ника позвонила сама.

— Вы ещё там?

— Да.

— Вы опять спускались?

Татьяна не стала лгать.

На другом конце долго молчали.

— Я кое-что не сказала.

Татьяна села на кровать.

— Я слушаю.

Ника рассказала про автобус. Про домашнюю кассету. Про вопрос, которого раньше на записи не было.

«А мы далеко уедем?»

Марина тоже его услышала.

— Где сейчас кассета?

— В коробке.

— Ты её включала ещё?

— Нет.

— Можно мне…

Татьяна остановилась.

Ника ничего не сказала.

— Нет, — произнесла журналистка. — Не надо. Пусть лежит.

Она услышала, как девочка выдохнула.

— Папа думал, если приносить мамины вещи, получится мама, — сказала Ника. — А оно просто становилось похожим.

— Я не собираюсь ничего приносить.

— Вы уже приносите.

Татьяна посмотрела на блокнот.

Вопросы. Имена. Даты. Истории людей, которые слышали своих близких.

— Ника…

— Когда вы с ним разговариваете, оно узнаёт, что вам сказать потом.

На следующий день Татьяне позвонили в проходную.

Павел Андреевич протянул трубку.

— Вас.

— Кто?

— Женщина. Не представилась.

Из трубки донёсся тихий треск.

— Танюш, я знаю, где он.

Татьяна прижала свободную ладонь к столу.

— Кто?

— Девочкин отец.

Охранник поднял голову.

— Он ждёт. Ты приведёшь её?

Она положила трубку.

Через несколько секунд телефон зазвонил снова.

Павел Андреевич снял её и, не поднося к уху, опустил на

стол.

Из чёрного кружка далеко и тонко произнесли:

— Не говори ей пока. Она не придёт.

Работы в старой части станции назначили на пятницу.

Борис узнал об этом утром. Татьяна — от Бориса.

Нужно было восстановить дренажный проход. На бумаге — осмотр и очистка. На деле собирались вскрывать давно закрытую перегородку, потому что вода стала появляться там, где её раньше не было.

— Почему сейчас? — спросила Татьяна.

— Потому что новый насос не купили. Будем старым способом.

— Серов туда ходил?

— Серов много куда ходил.

Начальник отказался разговаривать.

Татьяна ждала его у кабинета почти час. Когда он вышел, она показала план.

— Вы отправляете людей туда, где пропали двое.

— Люди будут работать по наряду.

— А если проход затопит?

— Вы инженер?

— Нет. Поэтому спрашиваю инженера.

Он посмотрел на неё с усталой ненавистью.

— У меня двести человек зарплату ждут. Остановлю участок — вы же первая напишете, что довели станцию.

Татьяна поняла, что он боится не только статьи. Но страх

не делал его решение безопаснее.

Она позвонила редактору.

— Если завтра не выйду на связь, звони на станцию и в милицию.

— Татьяна, ты сейчас что собираешься делать?

— Быть там, когда они начнут.

— Не лезь под оборудование.

— Не собираюсь.

Она убрала в сумку новые батарейки.

Кассету с голосом матери оставила в комнате.

7. Рабочая смена

Внизу пахло мокрой пылью и сваркой.

Татьяна стояла за ограждением рядом с Борисом. Двое рабочих снимали крепления с тяжёлой металлической панели. Молодого звали Лёша. Он всё время поправлял слишком большую каску.

— Давно работает? — спросила она.

— Второй месяц.

— Ему платили хоть раз?

Борис усмехнулся.

Панель отодвинули. Из щели пошёл холодный воздух.

Звук станции изменился.

Татьяна не смогла бы объяснить, что именно произошло. Гул остался, но в нём появилось пространство — словно где-то открыли дверь в большой пустой зал.

Лёша направил фонарь внутрь.

— Здесь лестница.

— Знаем, — сказал Борис. — Сначала уровень посмотри.

На стене висел служебный телефон. Он коротко звякнул.

Никто не подошёл.

— Борь, — позвал второй рабочий. — Тут маркировка старая.

Они наклонились над кабелем.

Лёша шагнул за панель.

Татьяна увидела это краем глаза.

— Подожди.

Он не остановился.

— Лёша.

Из прохода донёсся женский голос:

— Сынок, сюда посвети.

Борис выпрямился.

Молодой рабочий уже спустился на несколько ступеней.

— Назад! — крикнул электрик.

Внизу ударило.

Свет погас на секунду, вернулся тусклым. Из открытого прохода вырвалась вода и растеклась по полу, подхватывая пыль и куски изоляции.

Борис бросился к панели.

— Питание снимай! — крикнул он напарнику. — На втором щите!

Татьяна прижалась к стене. Холодная вода залила ботинки.

Лёша закричал снизу.

Он не упал далеко: стоял на площадке, держась за перекладину. Обратный путь перекрыла сорвавшаяся секция лестницы.

Татьяна легла на край бетонного порога и вытянула руку.

— Давай!

Он посмотрел вверх. Лицо стало совсем детским.

— Не достану.

Борис принёс страховочный пояс.

Служебный телефон звонил.

Татьяна держала фонарь, пока электрик закреплял ремень. Луч прыгал по воде. За спиной второй рабочий ругался у щита.

Из темноты под площадкой мать сказала:

— Танюш, мне холодно.

Рука с фонарём повернулась сама.

Она успела увидеть край ткани.

Светлую кофту.

Мать носила такую дома, поверх ночной рубашки, когда вставала на кухню за водой.

— Посмотри на меня.

Татьяна почувствовала запах яблочного мыла.

— Держи свет! — крикнул Борис.

Лёша сорвался одной рукой с перекладины.

Татьяна направила луч обратно.

— Смотри сюда, — сказала она ему. — На меня смотри.

— Я не могу…

— Можешь. Ремень под руку. Вот так.

Он плакал, злился, не попадал пряжкой.

Снизу мать произнесла:

— Ты опять не успела.

Татьяна закрыла глаза на одно мгновение.

Потом открыла.

— Лёша. Ты меня слышишь?

Он кивнул.

— Как тебя дома зовут?

— Лёшей.

— Хорошо. Лёша, сейчас Борис потянет. Ногой упрись в стену.

— Тань…

Материнский голос стал совсем близким.

Она не повернула голову.

Борис тянул ремень обеими руками. Татьяна ухватила рабочего за рукав, потом за плечо. Они вытащили его на бетон и отползли от края.

Лёша кашлял. Из разорванной штанины текла вода.

Второй рабочий вернулся со щита.

— Снял!

— Панель!

Татьяна помогала двигать её, хотя пальцы уже не слушались. Из прохода по металлу скользнула мокрая нить. Прилипла к краю её рукава.

Борис оторвал её рукояткой инструмента.

Панель встала не до конца. В щели осталась темнота шириной с ладонь.

Оттуда сказали голосом Лёши:

— Я не могу.

Сам Лёша лежал рядом с Татьяной и молча трясся.

Борис вставил распорку.

— Уходим.

Они поднимались медленно. Молодой рабочий почти не наступал на одну ногу.

На верхней площадке Татьяна оглянулась.

Внизу, у панели, больше не было слышно ни матери, ни воды.

Только ровный рабочий гул.

Снаружи светило солнце.

Павел Андреевич принёс одеяло. Кто-то вызвал машину. Лёша сидел на скамейке и держал стакан двумя руками.

— У меня мама живая, — сказал он Татьяне.

Она присела рядом.

— Позвони ей.

— Вечером позвоню.

— Сейчас.

Охранник молча открыл дверь проходной.

Татьяна отвернулась, пока рабочий набирал номер.

Ей тоже захотелось позвонить матери. Обычным образом: дождаться гудков, услышать, как снимают трубку, сказать, что промочила ноги.

Она вынула блокнот.

Бумага намокла. Несколько страниц слиплись.

На последней уцелела фраза, записанная ещё в гостинице:

«Что изменится, если я вам всё расскажу?»

8. Кто остаётся

Статья вышла через двенадцать дней.

Редактор убрал из заголовка слово «молчание» и поставил «авария». Татьяна не спорила.

В тексте были фамилии. Даты. Сведения о пропавших людях. Копии документов, по которым деньги за оборудование ушли фирме, не поставившей ничего. Рассказ рабочего, оказавшегося на разрушенной лестнице.

Голосов в статье не было.

Татьяна написала о повторяющихся жалобах на звуки и о том, что опасные помещения годами не обследовали как следует. Этого она могла требовать, не прося читателя поверить ей на слово.

Редактор прочитал последний абзац дважды.

— Ты что-то оставила за скобками.

— Да.

— Существенное?

— Очень.

Он снял очки.

— Доказать можешь?

— Нет.

— Тогда пока оставь.

У Ники заканчивались каникулы.

На столе лежали новые тетради. Марина подписывала об-

ложки, сверяясь со списком.

Татьяна привезла номер газеты, но не стала сразу доставать.

Ника посмотрела на её руку. На запястье осталась красная полоса.

— Вы всё-таки пошли.

— Да.

— Она вас звала?

— Звала.

— Вы ответили?

— В этот раз нет.

Ника опустила глаза.

Татьяна села рядом.

— Я не нашла твоего отца.

Девочка провела пальцем по краю тетради.

— А она сказала, что знает?

Татьяна кивнула.

Марина перестала писать.

— Почему вы нам не позвонили?

— Потому что сначала захотела поверить. Потом поняла, зачем она это говорит.

Ника посмотрела на неё долго, почти сердито.

— Папа тоже сначала хотел поверить.

— Знаю.

— Нет, — сказала девочка. — Теперь знаете.

Татьяна приняла это.

Они посидели молча. За окном автобус открыл двери, выпустил людей, снова загудел.

— Вы напишете про то, что там было? — спросила Ника.

— Не всё.

— Почему?

— Потому что некоторые прочитают и захотят проверить.

Ника кивнула.

— Да.

Татьяна достала газету.

— Но про родителей здесь есть. И про то, что их не нашли. И про то, что искать нужно дальше.

Ника взяла номер.

Фотография станции занимала полполосы. На снимке она казалась обычной: бетон, окна, вода, маленький человек возле служебной двери.

Ника долго смотрела на этого человека.

— А если это вся станция? — спросила она.

Марина подняла голову.

Татьяна почувствовала, как похолодели ладони.

— Почему ты так думаешь?

— Когда мы уходили, оно было сзади. А голос потом был впереди.

В комнате стало слышно, как Марина закрыла ручку колпачком.

— Я не знаю, что это, — сказала Татьяна. — Но больше не думаю, что оно живёт только за решёткой.

Ника положила газету на стол.

— Значит, решётка не помогала.

— Может быть, помогала людям думать, что они снаружи.

В Мурманске Татьяна вернулась к работе.

Писала про котельную. Ездила на собрание жильцов. Долго разговаривала с женщиной, у которой исчез муж после поездки за товаром. Проверяла фамилии, ждала ответов, сердилась, когда вместо ответа ей присылали бумагу о том, что обращение получено.

Станцию не закрыли.

В старую часть ограничили доступ. Началась проверка закупок. Начальник ушёл в отпуск. Работникам выдали часть задолженности.

Антонина Павловна позвонила и сказала, что Лёша уволился.

— К матери поехал.

— Это хорошо.

— Может, и хорошо. Только кто работать будет?

Татьяна не нашлась что ответить.

В конце августа позвонил Павел Андреевич.

За окном её квартиры стоял вечер. Настоящий: свет уже уходил из верхних окон противоположного дома.

— Вы заняты? — спросил охранник.

— Нет.

— Тут одну вещь надо передать.

Татьяна села.

— Кому?

— Вам.

Она услышала, как он прикрыл ладонью трубку. С кем-то коротко поговорил и вернулся.

— Мы обход делали. У спуска. Вдвоём.

— Что случилось?

— Голос был.

Татьяна посмотрела на закрытый ящик стола.

Там лежали кассеты.

— Женский?

— Нет. Виктора.

Она ничего не сказала.

— Я его хорошо знал, — продолжил Павел Андреевич. — Мы сколько лет…

Он замолчал.

— Что он сказал?

Охранник тяжело вдохнул.

— Не приводите сюда Нику.

Татьяна встала и подошла к окну.

Во дворе женщина звала ребёнка домой. Мальчик делал вид, что не слышит, и медленно обходил лужу по бордюру.

— Больше ничего? — спросила она.

— Нет.

— Вы ответили?

В трубке стало тихо.

Потом Павел Андреевич сказал:

— Я спросил, где он.

Татьяна закрыла глаза.

— И?

— Не ответил.

Они ещё немного поговорили о замке на двери, о проверке, о том, кому охранник сообщил услышанное. Татьяна записала дату.

Положив трубку, она не стала звонить Нике.

Сначала нужно было понять, что именно она собирается ей сказать. Что отец, возможно, жив? Что голос научился заботиться о ней? Что теперь он может звать не к себе, а от себя — и от этого ему хочется поверить ещё сильнее?

Татьяна открыла ящик.

Кассеты лежали в подписанных футлярах. На одной было написано: «Верхняя площадка. Первый спуск».

Она провела пальцем по наклейке и закрыла ящик.

На улице женщина снова позвала мальчика. Он наконец спрыгнул с бордюра и побежал к подъезду.

В комнате потемнело.

Татьяна включила лампу.

Дневники Веры

19 сентября 1995 — 24 апреля 2010 года

Туманный; железнодорожный путь в Иркутск; Иркутск.

Тетрадь первая. Север

19 сентября 1995 года. Иркутск

Купила эту тетрадь на вокзале. Хотела обычную, в клетку, но остались только с цветами и вот эта — коричневая, без рисунка. Продавщица сказала, что для отчётов берут такую.

Отчёты я буду писать в другой.

В эту можно всё остальное.

Андрей считает, что через неделю мне надоест. Он вообще не понимает, зачем записывать то, что уже случилось, если можно рассказать ему. Я спросила, что делать, когда он не слушает.

Сказал: повторить громче.

В дорогу купили яйца, хлеб и огурцы. Огурцы уже пахнут на всю сумку. Андрей обещал не брать паяльник, но я видела, как он завернул его в полотенце и положил под свитер.

Едем почти на месяц. Мне до сих пор странно, что меня включили в группу.

Владимир Николаевич сказал: нужен врач, который умеет наблюдать и не боится скучной работы.

Я сказала, что умею.

Про скуку ничего не сказала.

До этого дальше Красноярска я не ездила. Север пред-

ставляю плохо. На фотографиях станции всё серое: бетон, вода, небо. Мама велела взять шерстяные колготки. Андрей смеялся, потом сам положил их в сумку.

У него это получается незаметно: сначала смеётся, потом делает то, о чём я ещё не успела попросить.

Нужно купить открытку и отправить маме уже оттуда.

24 сентября 1995 года. Туманный

В гостинице холодно.

Из-под рамы дует. Я свернула полотенце и положила на подоконник, но оно всё время съезжает. Андрей подложил под него два наших блокнота. Сказал, что наука уже приносит пользу.

Он спит.

Я не могу.

На часах половина второго. За окном темно, только возле входа горит лампа. Под ней женщина с сумкой ждёт, пока ей откроют. Ветер шевелит полы её пальто.

Нам рассказывали, что летом здесь почти не бывает ночи. К нашему приезду полярный день давно закончился.

Станцию увидели с дороги. Вода за ней ровная, тяжёлая. Почему-то ожидала, что будет шумно уже в посёлке. Но шум появился только у проходной.

Нас встретил исполняющий обязанности начальника участка, отвёл в контору. Прежний начальник после летней

проверки так и не вернулся. Нам сказали, что помещение подготовили.

В помещении стоят два стола, шкаф без одной дверцы и холодильник, который надо включать через удлинитель. Андрей долго смотрел на удлинитель, потом молча достал паяльник.

Владимир Николаевич спросил, что я думаю.

Я решила, что он о помещении.

Он имел в виду жалобы работников.

Головные боли. Нарушения сна. Ощущение чужого присутствия. Слуховые явления в старой части станции.

В документах последнее названо «неидентифицированными акустическими эффектами».

Спросила, есть ли результаты измерений.

Оказалось, нас для этого и позвали.

25 сентября 1995 года

Павел Андреевич с проходной принёс чайник.

Наш не успели купить.

Он поставил чайник возле розетки и сказал Андрею:

— Этот тоже сначала посмотрите.

Андрей посмотрел. Провод был целый.

Я спросила Павла Андреевича, давно ли люди жалуются.

— На что именно?

Пришлось перечислить.

Он ответил, что раньше жаловались реже.

— Потому что реже слышали?

— Потому что знали, кому рассказывать.

Я записала эту фразу, а он попросил не записывать.

Пришлось показать, как зачёркиваю.

Теперь переписала сюда.

Не знаю, считается ли это обманом.

Первым на осмотр пришёл Семён Иванович Брагин, слесарь. Пятьдесят два года. Давление повышено. Спит по четыре часа, после смены работает у знакомых: ремонтирует насосы, проводку, всё подряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.